

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation

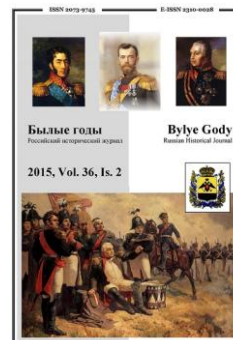
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 36, Is. 2, pp. 413-419, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94+323.173

Insurgency in Xinjiang in the first half of the 1930s

Dmitry V. Buyarov

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Russian Federation

675000, Blagoveshchensk, Lenin St., 104

PhD in Philosophy, Associate Professor

E-mail: buyarov_d@mail.ru

Abstract

This article analyzes the events and processes that took place in Xinjiang in the first half of the 1930s. and linked to the national liberation movement of the indigenous peoples of the region. The paper deals with the causes and background movement, its course and factors destruction. Uighur insurgency and Dungan was caused policy Han authorities that oppress the local population and was accompanied by active intervention of Russian immigrants in the service of the Chinese Government. National movement of peoples of Xinjiang in 1931-1934 took place in conditions of exacerbation of ethno-political and ethno-social contradictions and was of great importance, both in the history of China, and in the sphere of regional international relations.

Keywords: Xinjiang, National Insurgency, Uyghurs, Dungan (hueytsz), Han, Shen Shitsay, Hodge Niyaz, Ma Chzhunin, Russian emigrants, P.P. Papengut, N.I. Bekteev.

Введение

Синьцзян, насильственно включенный в состав Цинской империи в середине XVIII в., продолжал оставаться очагом нестабильности и в последующие периоды. Ведущим фактором внутривосточного развития Синьцзяна на протяжении долгого времени являлось противостояние коренных народов и китайских властей, осуществлявших политику колонизации. Население региона всегда было многонациональным. Из более чем полутора десятков этносов выделялись основные: уйгуры, дунгане (хуэйцзу), казахи, киргизы, монголы. Для этих традиционных народов были характерны родственно-клановые, этнические и религиозные ценности, которые, как правило, не учитывались и нарушались ханьскими властями, что провоцировало периодические национально-освободительные движения в XIX – первой половине XX вв. В первой половине 1930-х гг. на фоне глубокого политического кризиса Китая и экономических трудностей происходит активизация национального движения в Синьцзяне, в подавлении которого значительную роль сыграли русские эмигранты и советское правительство.

Материалы и методы

В рамках данной работы применялся историко-генетический метод, позволивший обратиться к изучаемой проблеме в контексте ее исторического развития и реконструировать историю повстанческого движения в Синьцзяне, проследить основные факторы и этапы его развития.

Для достижения поставленной цели были использованы материалы Российского государственного военного архива, Государственного архива Российской Федерации и Архива внешней политики РФ (оперативные сводки советских и белогвардейских офицеров, записи бесед, агентурные материалы и личная переписка), что позволило воссоздать ход описываемых событий, в первую очередь, военных операций. На основе изученных материалов и обращения к историко-типологическому методу предпринята попытка определить социальную сущность выступлений коренного населения Синьцзяна против китайских властей как национально-освободительного движения.

Результаты

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. в Синьцзяне вновь обострились противоречия между коренными народами региона и ханьскими (китайскими) властями. Ситуация осложнялась в связи с этническим разнообразием региона, в котором проживали не только уйгуры, хуэйцзу, киргизы, казахи и другие народы, недовольные китайской властью, но и русские мигранты, для которых после Октябрьской революции и Гражданской войны Синьцзян стал вынужденным прибежищем.

Положение народов Синьцзяна резко ухудшалось, что было обусловлено рядом факторов. Так, наблюдался значительный рост налогообложения в условиях беспредела дущюната (правления милитаристов). Осложнялось положение большинства крестьянства, страдавшего не только от налогового бремени, но и терявшего лучшие земли, которые стали раздаваться ханьцам. Все это сопровождалось произволом китайской армии и нарушением национальных традиций мусульманского населения. Ситуация в Синьцзяне обострилась после убийства губернатора провинции Ян Цзэнсиня в 1928 г., поскольку новый губернатор Цзинь Шужэнь начал проводить более интенсивную политику ханизации (китаизации). Командный состав армии и чиновники, среди которых были и представители коренных народов, стали заменяться ханьцами из провинции Ганьсу. В Синьцзяне даже сложилась поговорка: «Если умеешь говорить по - хэчжоуски (т.е. с акцентом г. Хэчжоу провинции Ганьсу, откуда был родом Цзинь Шужэнь), – значит, получишь чиновничий пост» [1]. Был введен ряд государственных монополий, например, на торговлю каракулем, приносившую значительный доход; стала сворачиваться торговля с Центральной Азией, а также была спровоцирована инфляция, поскольку из обращения было изъято золото и выпущено большое количество бумажных денег [2].

К факторам начала восстания следует отнести и политические шаги Цзинь Шужэня, которые вели к ухудшению социально-экономической обстановки. Так, в марте 1930 г. было упразднено Хамийское ханство, а на его территории было образовано два уезда, в которых китайские войска стали осуществлять грабеж населения. Особенно от этого страдали уйгуры [3]. В результате начинают сплываться такие слои населения, как аристократия, духовенство, купечество, ремесленники и крестьяне.

Восстание началось в апреле 1931 г. Поводом для восстания послужил следующий инцидент: один из китайских сборщиков податей решил насильно сделать своей наложницей красивую уйгурскую девушку, что вызвало взрыв возмущения местного населения. Выступление в г. Хами было поддержано жителями Баркуля, Турфана и Гучена. Первоначально численность восставших не превышала 200 человек, но к маю отряд вырос до 2000 человек.

Очень быстро во главе стихийного движения встали представители знати, среди которых выделялись Ходжа Нияз, офицер охраны умершего хамийского хана, а на тот момент управляющий хозяйством, и Юлбарс-хан, бывший хамийский советник [4]. Они объединили под своим командованием уйгуров и казахов и обратились за помощью к бывшему военному правителю провинции Ганьсу генералу Ма Чжунину, командовавшему отрядами дунган. Ма Чжунин получал поддержку со стороны японской агентуры и вынашивал планы по созданию Туранской империи.

Осенью 1931 г. Ма Чжунин вступил в Синьцзян и осадил Турфан и Хами, однако встретил отпор со стороны бывших белогвардейцев, находившихся на китайской службе. Китайские дубани (губернаторы), прекрасно представляя себе низкую боеспособность китайских частей, привлекали на службу русских наемников (для последних это являлось средством к существованию). В результате наступления русских под командованием полковника П.П. Папенгута и китайских войск повстанцы отступили: дунгане в Ганьсу, а уйгуры, казахи и узбеки в горы, где находились до лета 1932 г. [5].

С начала восстания проявился фактор иностранных держав. Со стороны зарубежных сил стали осуществляться попытки использовать движение в своих целях. Это было характерно для Великобритании, Германии, Японии, Турции и других стран, которые преследовали свои интересы, но которых объединяло стремление противодействовать СССР [6]. Япония, оккупировав Маньчжурию, стремилась распространить влияние и на Северо-запад Китая, где были сильны сепаратистские настроения. Японцы, в частности председатель японского общества Красного креста Низикава и член парламента Нисуэ, даже стали готовить съезд мусульман, на котором особое внимание должно было быть уделено китайскому Туркестану и «Союзу мусульман Дальнего Востока» [7]. Великобритании также было бы выгодно превратить Синьцзян в исламскую «Республику Туркестан» для создания стратегической зоны угрозы Советскому Союзу.

В свою очередь советскому правительству ситуация внутривосточной нестабильности в Синьцзяне была невыгодна. Во-первых, национально-освободительная борьба в регионе могла привести к усилению позиций англичан и японцев. Во-вторых, повстанческое движение могло повлиять на ситуацию в советских среднеазиатских республиках, где социально-политическое положение было непростым [8]. В-третьих, у советского правительства складывались относительно неплохие отношения с китайскими дубанями провинции Ян Цзэнсинем, Цзинь Шужэнем и Шен Шицаем, которые устраняли поочередно друг друга, но традиционно сотрудничали с СССР. Вполне естественно, что нестабильность, а тем более кардинальная смена власти, в регионе была невыгодна Советскому Союзу.

Когда Цзинь Шужэнь, понимая, что у него недостаточно сил, обратился за помощью к СССР, советское правительство согласилось перебросить в Синьцзян несколько тысяч китайских солдат, интернированных из Маньчжурии в Советский Союз. В ответ на это Чан Кайши сделал ставку на Ма Чжунина, назначив его официально командиром 36-й дунганской кавалерийской дивизии [9].

Успешные действия русских отрядов в подавлении повстанцев на первом этапе движения (с весны 1931 г. до середины 1932 г.) повлияли на то, что китайские власти стали проводить широкую мобилизацию бывших белогвардейцев. Мобилизации подлежали все русские в возрасте до 46 лет. Всего было мобилизовано 1750 человек. Им платилось жалование, но большинство все же пошло служить с большим нежеланием [10]. Формирование русских частей было поручено полковнику П.П. Папенгугу. Первоначально бывшие белогвардейцы действовали эскадронами, а затем были сведены в полки. Полками командовали Н.И. Могутнов, Н.И. Бектеев, ставший впоследствии командующим фронтом, и С.В. Чернов [11]. Русские отряды имели частые столкновения с повстанцами, при этом последние старались уклоняться от крупных сражений. Примечательно, что уже на первом этапе восстания русские стали стремиться к самостоятельности от китайских властей. П.П. Папенгут стремился объединить всех бывших белогвардейцев под своим командованием. Несколько позже он отказался беспрекословно подчиняться китайскому командованию, заявив, что «отказывается от командования, если ему не будет предоставлено право действовать по собственному усмотрению» [12]. В ответ китайское руководство заявило, что русские больше не нужны. Но когда активизировал свою деятельность Ма Чжунин, китайцы снова обратились за помощью к русским эмигрантам.

В течение 1932 г. между правительственными войсками и отрядами повстанцев продолжались столкновения, но без переменного успеха. Боеспособность ханьских (китайских) войск была невысока, поэтому Цзинь Шужэнь опирался на отряды русских эмигрантов. Во время операции в районе Баркуля русские имели около двадцати столкновений с восставшими. Действия обеих сторон отличались особой жестокостью: уничтожались посевы, кишлаки и все население, включая стариков, женщин и детей [13].

Бывшие белогвардейцы численно превосходили повстанцев, но Юлбарс-хан уклонялся от столкновений и отходил в горы в районе Богдаша. В это же время ханьские отряды потерпели поражение в одном из боев с Ходжой Ниязом, который чуть позже из стратегических соображений ушел в горы и присоединился к Юлбарс-хану [14]. Засев в отдаленных кишлаках, они были готовы к дальнейшему сопротивлению, но задача китайских властей – ликвидировать восстание в Хами оказалась выполненной. У повстанцев ощущался недостаток продовольствия, поскольку весь хлеб еще на корню был сожжен русскими и китайцами. При этом сдававшимся выдавали продовольствие, отменяли налоги, и это терпимое отношение действовало на беднейших из уйгурских повстанцев разлагающе [15].

Ситуация вновь стала меняться после помощи восставшим со стороны Ма Чжунина, преследовавшего свои цели. В декабре 1932 г. из Ганьсу прибыл с небольшим отрядом дунган помощник Ма Чжунина – Ма Шиин, с целью поднять восстание и создать в Синьцзяне дунганское государство с центром в Пичане. Параллельно Ма Шиин начал вести переговоры с уйгурским духовенством, имевшем огромное влияние на массы. В результате новое восстание вспыхнуло в Турфане и перекинулось в район Урумчи [16].

Для возвращения Турфана был отправлен генерал Шен Шицай, объединивший свои силы с казаками. Город, бывший центром сопротивления, был достаточно быстро захвачен и отдан на разграбление, в котором приняло участие и местное ханьское население. Грабежи и погромы продолжались в течение месяца и отличались особой жестокостью со стороны ханьцев и русских по отношению к коренному населению – уйгурам и дунганам. Были зафиксированы случаи, когда повстанцев хоронили заживо [17]. Для уйгурских повстанцев также были характерны проявления жестокости по отношению к «неверным», но ответные карательные меры со стороны бывших белогвардейцев и китайцев были непропорционально велики, что в свою очередь усиливало сопротивление, тем более что Турфан был не единственным очагом восстания.

25 декабря 1932 г. началось восстание в Пичане под руководством крупного представителя духовенства Аглям-Ахуна и купца Максудахуна Мухитова. Первоначально их отряды осуществляли отдельные нападения на китайские соединения, а затем несколько тысяч повстанцев во главе с М. Мухитовым двинулись в направлении Аксу-Урумчи. Уже 9 января 1933 г. они подошли к Урумчи, а китайцы были вынуждены отступить и заняться подготовкой обороны города [18]. Урумчи находился в осаде с 12 января по 11 февраля 1933 г. Численность повстанцев составляла около 8 тысяч человек [19]. Периодически они штурмовали город, но последний штурм был отбит, а восставшие отброшены. Одновременно в конце января на Чугучакско-урумчинском тракте были разбиты войска Ма Чжунина, отступившего в Ганьсу.

К началу 1933 г. стала резко меняться внутривнутриполитическая ситуация в провинции. Реальная власть стала сосредотачиваться в руках генерала Шен Шицай, который возглавил антиправительственный заговор [20]. Постепенно менялись целевые установки русских эмигрантов: участие в боевых действиях было не только чем-то вынужденным, но было обусловлено и стремлением укрепить свое положение в провинции, чтобы в дальнейшем иметь возможность влиять

на китайскую администрацию. Главную роль в ходе переворота 12 апреля 1933 г. сыграли русские отряды под командованием генералов П.П. Папенгута, Н.И. Бектеева и полковника Н.И. Могутнова. После этого позиции бывших белогвардейцев в Синьцзяне значительно укрепились, а их лидеры П.П. Папенгут, Н.И. Могутнов и К.В. Гмыркин вошли в состав нового временного правительства провинции [21].

Новый дубань Синьцзяна очень тяготился своей зависимостью от русских офицеров, которые к тому же стали проявлять большее своеволие. В это же время периодически вспыхивали новые восстания, придавая движению коренных народов Синьцзяна затяжной характер. В этих условиях Шен Шицай обратился к советскому правительству с просьбой оказать военную помощь и получил положительный ответ.

Через полгода, оправившись от поражения, повстанцы вновь активизировали свою деятельность. В июне Ма Чжунин появился в Синьцзяне и начал наступление на Урумчи. В ходе упорных боев его войска были разбиты и отошли в район Пичана-Турфана. Однако это не означало поражения, и постепенно стороны склоняются к переговорам. По инициативе Ма Чжунина в Турфане начались переговоры с представителями Шен Шицай. Примерно в это же время, в начале июня, стали вестись переговоры с Ходжой Ниязом, в результате которых он получил должность гражданского и военного правителя Кашгарского округа и предложил совместно с китайцами ликвидировать Ма Чжунина [22]. Таким образом, в среде восставших стал проявляться раскол. Переговоры Шен Шицай с Ма Чжунином ни к чему не привели, и последний продолжил боевые действия.

12 ноября 1933 г. в Кашгаре повстанцами было объявлено о создании Тюрко-Исламской Республики Восточного Туркестана (ТИРВТ) [23]. Премьер-министром стал Сабит Домулла, а президентом заочно был избран Ходжа Нияз. У республики появляется конституция, основывающаяся на принципах шариата, а во внешней политике ставка делается на Турцию и Великобританию [24]. В этих условиях советское правительство принимает решение почти открыто вмешаться в конфликт. В ноябре 1933 г. в Синьцзян для оказания помощи урумчинскому правительству (фактически не подчинявшемуся Гоминьдану и потому также представляющему интерес для Кремля) была переброшена т.н. Алтайская добровольческая армия, сформированная из различных родов войск Красной армии. Командованию этой группировки должны были подчиняться бывшие белогвардейцы, которые получили советское финансирование и обещание амнистии [25]. Значительная часть бывших белых офицеров негативно восприняла сближение Шен Шицай с СССР и вполне вероятно, что некоторые стали думать о повторении переворота. Китайские власти решили нанести превентивный удар. П.П. Папенгут был отстранен от командования и расстрелян в Урумчи по обвинению в антиправительственном заговоре. Командующим русскими частями был назначен генерал Н.И. Бектеев [26].

Советские и белогвардейские отряды действовали достаточно успешно, и Ма Чжунин, лишившийся поддержки Ходжи Нияза, был вынужден отступить на юг, где занял Кашгар и по сути ликвидировал Тюрко-Исламскую Республику Восточного Туркестана, президентом которой являлся Ходжа Нияз. Ходжа Нияз бежал в СССР, где подписал документы об официальной ликвидации ТИРВТ и после этого вернулся в Синьцзян. С апреля 1934 г. части Красной армии начинают выводиться из Синьцзяна, а завершение подавления восстания было возложено на генерала Н.И. Бектеева. Однако бывшие белогвардейцы должны были фактически подчиняться советским военным советникам. Генерал П.С. Рыбалко исполнял обязанности помощника Н.И. Бектеева как командующего фронтом, генерал А.К. Маликов был назначен главным советником Шен Шицай, а И.Ф. Куц был советником при Ходже Ниязе [27].

В ходе Марал-Баширской операции объединенные войска, состоящие из китайцев и русских, нанесли поражение войскам Ма Чжунина, а сам он с небольшой группой соратников 10 июля 1934 г. перешел на советскую территорию и был интернирован [28]. С отходом Ходжи Нияза и Ма Чжунина от активной борьбы, по сути, завершаются боевые действия на территории Синьцзяна.

После подавления национального движения русские эмигранты перестали представлять интерес для китайских властей. По директиве от 28 июля 1934 г. русские полки общей численностью в 3400 человек подлежали расформированию. Из них был создан «Отдельный Синьцзянский русский конный полк» в 600 сабель [29]. В 1935 г. русская дивизия была расформирована по приказу Шен Шицай. Демобилизованным казакам было выделено по 10 гектаров орошаемой земли, а семьям погибших и искалеченных были назначены пенсии. На службе было оставлено 330 человек в качестве конвоя дубаня [30].

В целом можно утверждать, что бывшие белогвардейцы сыграли очень важную роль в событиях 1931–1934 гг. в Синьцзяне, повлияв как на подавление повстанческого движения уйгуров и хуэйцзу, так и на кратковременное изменение политической ситуации в свою пользу. Но во второй половине 1930-х гг. положение русских эмигрантов в Синьцзяне стало меняться в худшую сторону. Они стали терять самостоятельность и подвергаться давлению со стороны китайской администрации, которую поддерживало советское правительство.

После прекращения боевых действий губернатор Синьцзяна Шен Шицай, в целях дальнейшего укрепления своей диктатуры, предпринял ряд мер, направленных на предотвращение новых

народных волнений. В августе 1934 г. была издана «Декларация из восьми пунктов», в которой говорилось о необходимости «изгнания сил империализма» и была создана «Антиимпериалистическая ассоциация народных масс Синьцзяна» [31]. Отчасти под империалистами понимались и бывшие белогвардейцы, присутствием которых в провинции так тяготился синьцзянский дубань. В то же время новый политический курс Шен Шицяя способствовал в некоторой степени улучшению положения неханьских народов в Синьцзяне. Благодаря связям с Советским Союзом стали развиваться торговля, инфраструктура, здравоохранение и образование.

Заключение

События 1931–1934 гг. в Синьцзяне были не просто эпизодическим восстанием. По ряду таких показателей, как цели и задачи, масштаб территории, численность и социальный состав участников, продолжительность процесса, они приобрели характер национального движения. Однако повстанческое движение народов Синьцзяна оказалось обреченным на поражение вследствие этнической разобщенности, несогласованности действий восставших, узости интересов лидеров повстанцев и конечно же, внешнего вмешательства со стороны СССР. Внутривнутриполитическая история Синьцзяна первой половины 1930-х гг. была представлена борьбой восставших с китайскими властями, попытками противодействовать политике Гоминьдана, сопротивлением белогвардейскому и советскому присутствию и, наконец, противоречиями между народами региона. В этой связи рассматриваемые события и сам Синьцзян представляют значительный интерес для дальнейших исторических исследований.

Примечания:

1. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М., 1984. С. 107.
2. Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 356.
3. Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007. С. 357.
4. Петров В.И. Мятёжное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М.: «Крафт+», 2003. С. 430.
5. Государственный архив Российской Федерации. Фонд. 5873. Опись 1. Дело 91. Лист 137.
6. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии: историческая динамика политических взаимовлияний. М., 2004. С. 453.
7. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 7.
8. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 114.
9. Andreev D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911-1949. Cambridge, 1986. P. 123.
10. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 46.
11. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 150.
12. Государственный архив Российской Федерации. Фонд 5873. Опись 1. Дело 8. Лист 93.
13. Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920-1930-е гг.). М.: Нобель Пресс, 2013. С. 148.
14. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 25.
15. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Лист 27.
16. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Лист 28.
17. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Лист 62.
18. Архив внешней политики Российской Федерации. Фонд 8/08. Опись 16. Папка 162. Лист 2.
19. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 923. Лист 24.
20. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 122.
21. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 879. Лист 69.
22. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Лист 86.
23. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 128.
24. Кузнецов В.С. Панисламизм в Китае // XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М., 1993. С. 131.
25. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 130.
26. Зражевский М. Русские казаки в Синьцзяне [Электронный ресурс]. URL:// <http://kazak-chita.ru/art/rks181109.html> (Дата обращения: 12.09.2014).
27. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 892. Лист 5, 16.
28. Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян, 1918-1941 гг.: (региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: Изд-во БГПУ, 1998. С. 133.
29. Российский государственный военный архив. Фонд 25895. Опись 1. Дело 892. Лист 142.
30. Красильников В.Д. Синьцзянское притяжение. М.: «Дипакадемия», 2007. С. 179-180.

31. Богословский В.А., Москалев А.А. Национальный вопрос в Китае (1911-1949). М.: «Наука», 1984. С. 113.

References:

1. Bogoslovskiy V.A., Moskalev A.A. The National Issue in China (1911-1949). M., 1984. P. 107. (In Russian)
2. Usov V.N. Soviet intelligence in China in 1930s. M., 2007. P. 356. (In Russian)
3. Usov V.N. Soviet intelligence in China in 1930s. M., 2007. P. 357. (In Russian)
4. Petrov V.I. Rebellious "heart" of Asia. Xinjiang: a brief history of public movements and memories. M.: "Kraft +", 2003. P. 430. (In Russian)
5. State Archive of the Russian Federation. F. 5873. Inv. 1. D. 91. P. 137.
6. Voskresenskiy A.D. China and Russia in Eurasia: the historical dynamics of political interferences. M., 2004, P. 453. (In Russian)
7. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 7.
8. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941 s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 114. (In Russian)
9. Andreev D.W. Warlords and Muslims in Chinese Central Asia: a political history of Republican Sinkiang 1911-1949. Cambridge, 1986. P. 123.
10. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 46.
11. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. P. 150.
12. State Archive of the Russian Federation. F. 5873. Inv. 1. D. 8. P. 93.
13. Nazemtseva E.N. Russian emigration in Xinjiang (1920-1930-ies.). M.: Nobel Press, 2013. P. 148. (In Russian)
14. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 25.
15. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 27.
16. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 28.
17. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 62.
18. Archive of Foreign Policy of the Russian Federation. F. 8/08. Inv. 16. F. 162. P. 2.
19. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 923. P. 24.
20. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 122. (In Russian)
21. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 69.
22. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 879. P. 86.
23. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 128. (In Russian)
24. Kuznetsov V.S. Pan-Islamism in China // XXIV Conference "Society and the State in China." Part 1. M., 1993. P. 131. (In Russian)
25. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 130. (In Russian)
26. Zrazhevsky M. Russian Cossacks in Xinjiang [electronic resource]. URL: // <http://kazakchita.ru/art/rks181109.html> (date accessed: 12.09.2014). (In Russian)
27. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 892. P. 5, 16.
28. Barmin V.A. The Soviet Union and Xinjiang, 1918-1941s.: (regional factor in the foreign policy of the Soviet Union). Barnaul: Izd BSPU, 1998. P. 133. (In Russian)
29. Russian State Military Archive. F. 25895. Inv. 1. D. 892. L. 142.
30. Krasil'nikov V.D. Xinjiang attraction. M.: "Diplomatic Academy", 2007, P. 179-180. (In Russian)
31. Bogoslovskiy V.A., Moskalev A.A. The National Issue in China (1911-1949). M.: "Science", 1984, P. 113. (In Russian)

УДК 94+323.173

**Повстанческое движение в Синьцзяне
в первой половине 1930-х гг.**

Дмитрий Владимирович Буяров

Благовещенский государственный педагогический университет, Российская Федерация
675000, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104
кандидат философских наук, доцент
E-mail: buyarov_d@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу событий и процессов, происходивших в Синьцзяне в первой половине 1930-х гг. и связанных с национально-освободительным движением коренных народов региона. В работе рассматриваются причины и предпосылки движения, его ход и факторы поражения. Повстанческое движение уйгуров и дунган было обусловлено политикой ханьских властей, притеснявших местное население, и сопровождалось активным вмешательством русских эмигрантов, находившихся на службе китайского правительства. Национальное движение народов Синьцзяна в 1931–1934 гг. проходило в условиях обострения этнополитических и этносоциальных противоречий и имело большое значение как в истории Китая, так и в сфере региональных международных отношений.

Ключевые слова: Синьцзян, национальное повстанческое движение, уйгуры, дунгане (хуэйцзу), ханьцы, Шен Шицай, Ходжа Нияз, Ма Чжунин, русские эмигранты, П.П. Папенгут, Н.И. Бектеев.